

Ученица мёртвой

Белки

Книга 1

Ядвига Симанова

Ядвига Симанова

Ученица мертвой белки. Книга 1

Издательство «Четыре»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Симанова Я.

Ученица мертвой белки. Книга 1 / Я. Симанова — Издательство
«Четыре», 2023

ISBN 978-5-907654-42-6

От автора мистических романов: «Иллюстратор» и «Восход памяти» - остросюжетная мистико-психологическая драма. На территории современной Польши группу молодых людей обманом разлучают с семьями, принуждая к участию в экспериментальной программе засекреченной магической Академии. Ученица Янина Ракса понимает, что отличается от других, и это отличие может стоить ей жизни. Некое таинственное существо предлагает помощь. Ученица становится перед выбором – довериться загадочному помощнику или искать союзника среди товарищей по несчастью? Параллельно, детектив Роман Любич, имевший неосторожность соприкоснуться с миром Тьмы, расследует дело маньяка, похищающего женщин в окрестностях Варшавы; жертв по прошествии времени находят полностью обескровленными. След убийцы приводит детектива в Институт сомнологии, по случайному (или нет?) совпадению, сотрудничающий с Академией, а также, к заведующей пансионом, пани Эльжбете, матери ученицы. А для той, тем временем, настает черед первого испытания...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907654-42-6

© Симанова Я., 2023

© Издательство «Четыре», 2023

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ядвига Симанова

Ученица мертвой белки. Книга 1

*Я иду, оставляя следы.
Их так быстро глотает земля.
То ли я оставляю их,
То ли это они – меня...*

Н. Фёдорова, «Следы»

издательство

ЧЕТЫРЕ

© Я. Симанова, текст, 2023

© Издательство «Четыре», 2023

Пролог

Грубые бронзовые поножи оставляли следы на рыхлой земле. Амазонка держала твердый шаг по нехоженой тропе широколиственного леса. Природа молчала, пряча страх перед непрошеной гостьей под пологом тишины. Природа чуяла – не с добром наведалась гостя, в руке ее поскрипывал деревянный лук. Но Амазонку не проведешь. Она никогда не теряла бдительности. Малейшее дрожание невесомой листвы выдавало живое тепло загнанных страхом душ.

Гостя замерла. Черную кирасу, надетую поверх сплошной светлой туники с длинным узким рукавом, перехлестывал ремень от колчана. Решительно, с быстротой, не оставляющей шанса на раздумье, Амазонка извлекла из-за спины стрелу, и, натянув тетиву, метнула стрелу в фиолетово-черное пятно, схоронившееся среди темной зелени листвы. Не успела подстреленная птица коснуться земли, как перепуганные собратья-тетерева взмыли в небо врассыпную, судорожно суча крылышками, мелькая в вышине ниточками ярко-красных бровей. Лучше мишени не найти: несколько стрел одна за другой с леденящим свистом пронзили цель.

И вновь стало тихо вокруг. Но тишина более не напрягала Амазонку – дело было сделано. Пять подстреленных тетеревов! Она не привыкла приходить в гости с пустыми руками, да и чреватое было бы иначе – Ведьмина стряпня совершенно невозможна на вкус: чего стоят сушеная зелень да черствые безвкусные коренья – печаль сердцу да колики желудку! Поэтому Амазонка всегда являлась к подруге с полной сумой. И на этот раз неказистая, выдавшая виды, зато вместительная войлочная сумка была набита битком.

Амазонка выпрямила спину, по-хозяйски огляделась: ненавязчивые солнечные лучи, боязливо пробиваясь сквозь узорчатые решетки ясеневых крон и изящные талии молодых лип, ласково щекотали обветренное лицо воительницы. Смелые глаза смотрели вперед, туда, где за болотистым рвом раскинулась необъятная дубрава, и откуда до обители Ведьмы было рукой подать.

Они с Ведьмой были давними подругами, счет годам их дружбы затерялся в вечности. Других подруг у Амазонки не было, да и у Ведьмы тоже. Они неважно ладили, но неизменно скучали порознь. Ведьма не переставала ждать подругу, и та всегда приходила. Являлась шуметь, раздражать до безумия своей топорной глупостью, напиваясь в стельку, крушить посуду (а такое случалось нередко), и вместе с тем, не уставая, с упоением слушать ее рассказы, в которых она сама за давностью лет уже не могла отличить правду от привнесенной мирянами выдумки.

Немало времени утекло с их последней встречи. Амазонка с трудом узнала хижину. Лачуга Ведьмы переменялась, или так только виделось: тот же разнокалиберный сруб, неровная геометрия выпирающих из стен деревянных колец, новизна крылась в двери, отягощенной замысловатой громоздкой ручкой в форме кольца. Амазонка тронула кольцо – холодная сталь, тяжелый металл. «И охота ей хилыми ручками каждый раз с такой тяжестью возиться», – удивилась Амазонка, поднимая кольцо. Как вдруг остановилась: за памятной лавочкой, целиком обвитой пронырливым хмелем, острый взор различил два колеса, раму и руль. «Велосипед! Так называется эта штука», – вспомнила Амазонка, на миг плененная туманной сетью из обрывков воспоминаний, связанных с этим чудом, в числе других предметов время от времени появлявшихся у Ведьмы после посещения мира Создателей, невнятные объяснения о которых с трудом укладывались в голову. Не желая смуты, воительница прогнала мысли прочь, резко повернувшись к двери, – волосы, собранные в длинный хвост, больно хлестнули по лицу, – и к лучшему: мысли пропали, осталась лишь красная дверь с тугим железным кольцом.

– Тук-тук! Есть кто дома? – зычно прокричала Амазонка, ударив по дверному массиву всей тяжестью кольца.

Умиротворение лесной тиши было безжалостно пограно, доселе молчавший ветер возмущенно взвыл, листва заворчала шелестом, тут и там захрустели сухие ветви, – потревоженная живность в страхе бежала от беспощадной охотницы.

– Ты будто на бой зовешь, – отозвался мягкий голос из приоткрывшейся двери.

Амазонка не питала иллюзий, прекрасно понимая, что и мягкость тона, и речи подруги, в особенности те, что струятся гладко, подобно прозрачным водам тихих рек голубой долины, – всего лишь морок, за которым таится несгибаемая сталь колдовской души, способная без раздумья искромсать твоё существо острием ледяных осколков.

– Где тебя так долго носило, подруга? – напевал голосок.

Дверь распахнулась во всю ширь, и Амазонка шагнула в жилище Ведьмы.

– Подруга! – с улыбкой, подобной грозовой вспышке, Амазонка заключила Ведьму в объятия. – Не близок путь в твои края, сама знаешь. Не одна луна умрет, не на одной паре обуви оставят следы камни дорог и соль морей, пока я доберусь до затерянной в лесу хижины, – сказала она, отпуская.

– Что правда, то правда, – согласилась Ведьма. – Проходи! Знала, что сегодня явишься. Уж и на стол собрала.

– Я со своим! – заявила Амазонка с порога, и сумка с подстреленными тетеревами полетела на стол.

– Как угодно, как знаешь... – равнодушно отозвалась Ведьма.

Ее глаза болотистого цвета с неприкрытым презрением посматривали за тем, как подруга одну за другой вынимала из сумы тушки птиц. Прошелестев полами длинного платья цвета воронова крыла, Ведьма приблизилась к столу.

– Позволь мне. Я сумею их быстро приготовить.

Она отстранила подругу изящным движением кисти.

– Снова чудеса Создателей? – спросила Амазонка.

– Они самые, – ответила Ведьма, сверкнув взглядом в направлении столешницы, на которой между старым самоваром и ступкой выделялся непонятный предмет обтекаемой формы с встроенным рядом аккуратных кнопочек и дремавшим покамест циферблатом.

От неведомого чуда взгляд Амазонки переметнулся к предмету вполне обыкновенному: рядом с диковинкой стояла фляга, неподалеку – граненый стакан.

– Угощайся! – сказала Ведьма, улыбнувшись на одну сторону лица.

Амазонка знала, что во фляге – яд. Но, наполнив стакан, все равно выпила залпом. Чем ядренее был яд, тем сильнее становилась Амазонка.

«Сколько ни травы – ей все нипочем!» – в который раз дивилась Ведьма.

– Классное пойло! – восторженно оценила Амазонка зелье, вытирая ладонью губы.

Приятное тепло разливалось по телу, глаза искрились, вены наполняла новая кровь, – прежнюю забрал яд. В тусклую хижину Ведьмы будто заглянуло само Солнце. Словно и не было всех тех лун за спиной, возмущенного моря, гравия дорог, поскрипывающего под тяжелым шагом, застилавшей глаза пыли, всего накопившегося груза под сердцем усталого путника. Точно и не покидала Амазонка лачугу у дубравы, как будто вернулась, отлучившись лишь на миг.

Пока Амазонка пребывала в сладостном плену сиюминутных радостных настроений, тетерева оказались ошипаны и разделаны, причем без какого-либо ущерба для матово-белой кожи Ведьминых рук. Хозяйка поднесла тушки к непонятному агрегату и, приоткрыв на нем крышку, погрузила их внутрь емкости.

– Похоже на кастрюлю, – произнесла Амазонка, отвлеченно улыбаясь.

– Вроде того, – кивнула Ведьма.

Закрываясь, щелкнула крышка. Из пальцев Ведьмы брызнули алые искры, в воздухе запахло гарью. Ведьма выругалась, поплевала на пальцы. Следующий разряд привел

«кастрюлю» в движение – прибор затрясся, зашипел, циферблат вспыхнул красным. Пальцы Ведьмы прошлись по кнопкам, и... «кастрюля» заговорила!

«Тушеное мясо», – отозвалась «кастрюля» ровным, весьма приятным женским голосом.

От удивления из головы Амазонки в один момент выветрился весь старательно сжеженный неистощимым организмом из зелья хмель. Осталась ядовитая горечь, возвращавшая тоску.

– Только не говори, что ты приручила демона! – недовольно хмыкнула Амазонка.

Ведьма, острым чутьем уловив настроение подруги, тут же поднесла флягу, собственно-ручно наполнив стакан.

– Не по мне бесовские штучки, я всего лишь позаимствовала очередное изобретение Создателей, – ответила она.

Облегченно выдохнув, Амазонка снова осушила стакан. Ядовитая субстанция хлынула в кровь, бессильная против воли воительницы, тотчас обращалась в хмель. Дух пришел в тонус, и Амазонка, облизнув губы, спросила:

– Никак не возьму в толк: зачем Создателям изобретать всяческие штуковины, когда в их руках источник великой Силы творения?

В дальнем углу лачуги послышалось шевеление, за ним – свирепое «мяу...» – огромный черный котяра опрокинул помело, которое, упав, больно прижало длинный, привыкший к страданиям, но все еще считавшейся предметом гордости хвост. Раздосадованный кот шмыгнул вниз, пронесся под столом в поисках сочувствия у хозяйки. Поздно завидел он Амазонку – его неприятие обладательницы грубой поношенной обуви и скверных привычек, худшая из которых – производить неожиданно резкие движения, было взаимным. Прячась за длинными полами платья Ведьмы, он встал в боевую стойку, изогнув спину и взъерошив шерсть.

Амазонка шикнула, изобразив оскал, и замахнулась рукой в притворном намерении врезать мохнатому. Кот молниеносно ретировался, поджав хвост, забрался в тот же угол, не переставая оттуда ворчливо шипеть.

Ведьма укоризненно поглядела на подругу, но промолчала. После паузы произнесла:

– О чем ты говорила? Ах... об источнике Силы.

Вот что я думаю. Создатели львиную долю сил вложили в свои творения, оставив себе ничтожную малость. А позже и вовсе позабыли о Силе, утратили веру в нее, как будто ни Силы, ни ее источника никогда не существовало на свете. Они сами наделили ею свои творения, начисто забыв об этом, а после стали думать, что их создания обладали Силой изначально. В дальнейшем Создатели поистине впали в крайнее безумие, вообразив, что не кто иной, как их творения создали материю – мир, где они пребывают, и даже их самих.

– Разве они не понимают? Как мыслеформа может породить мыслителя? Это же полнейший абсурд!

– Спроси чего полегче, – ухмыльнулась Ведьма, направляясь в угол поправить упавшее помело.

Проходя мимо настенного зеркала, Ведьма на миг отразилась в нем. Зрелище явилось гостю не впервой, но, как и много раз до того, ее передернуло: полуистлевшие лицевые кости, черные дыры глазниц и наполнявшая их муть, голый череп – таков был правдивый облик хозяйки дома, остальное – морок. Чуткое обоняние гостя уловило запах разложения, и она поспешила отвлечься.

– Зачем я, собственно, пришла? – опомнилась Амазонка. – Ах да, послушать истории.

Ведьма слыла превосходной рассказчицей. Правдивость историй не заботила Амазонку, – главным был интерес, он один и принимался в расчет.

«Блюдо приготовлено!» – непрошено возвестил механический голос – неблизкий, чуждый, неживой.

Ведьма, поколдовав над чудо-кастрюлей, вернулась к столу с готовым блюдом.

– Какую историю поведать тебе на этот раз? – спросила Ведьма, усаживаясь подле подруги и сочувственно, с легкой примесью снисхождения наблюдая, как та со зверским аппетитом уплетает мертвую плоть, запивая ядом из хозяйской кладовой.

Сама Ведьма не была голодна. Она зажгла свечи, взяла на кончик ножа смолу и подпалила на только занявшейся огнем свече. Хижину тотчас наполнил аромат ладана. Ведьма воскурила благовония, приготовила травяной отвар, – тем и осталась сыта.

– Я хочу послушать о Создателях, – ответила Амазонка, откидываясь на высокую спинку стула, на которой уже висела сброшенная с плеч кираса. Она слегка оттянула пояс, перетягивавший тунику, просунула пальцы за металлическую бляшку.

Ведьма отхлебнула чаю и криво усмехнулась:

– Почему непременно о них? Их мир банален и узок. Они сами закрыли границы, отгородившись от Вселенной.

– Знаешь ли, – заговорила Амазонка, собравшись с мыслями, – слушая твои байки о Создателях, я будто прикасаюсь к самому источнику Силы.

– Нет в них никакой Силы – ни в байках, ни в Создателях. Говорю же: забыто все и быльем поросло.

Сталь сверкнула в глазах Амазонки:

– Дело твое – ворожить и речами заговаривать. Вот и травы наговоры, байки рассказывай, наводи морок, как умеешь, а уж я сама свежим взглядом авось и рассмотрю золотое зернышко в песчаной пыли.

Ведьма насмешливо воззрилась на подругу, справедливо подметив, что взгляд ее уже бесконечно далек от определения «свежий», но в чертогах ведьминой сущности всегда властвовал разум, подсказывая очевидное – с воительницей сейчас дешевле не спорить.

– Изволь! – ответила Ведьма, готовясь начать рассказ и остановившимся взглядом наблюдая за дрожащим пламенем свечи.

Ведьма вспоминала. Довольная Амазонка, отпустив бляшку на ремне, приготовилась слушать. Свеча затрещала. Голубая искра, отделившись от пламени, взмыла к потолку. Ведьма вспоминала... Ведьма говорила...

Ведьма не подозревала... Как тем временем коварный месяц подсвечивал следы, оставленные грубыми подошвами башмаков приближавшегося к хижине путника. Охотник никогда не оглядывался. Зачем? В том не было нужды, все чувства обострены до крайности. Он более не принадлежал страху. Тот, кто страху принадлежал, давным-давно сгинул со свету, время стерло его в порошок.

Охотник приближался к хижине постепенно, крадучись, равно незаметный для живности лесной и духов бестелесных, словно скрытый за собственной тенью. Оружие Создателей было при нем. За пару шагов до Ведьмино дома он взвел курок. Но что-то остановило его. Через щелочку приоткрытого оконца слышались голоса: Ведьма не одна, – это меняло дело. Рука, сжимавшая пистолет, опустилась. Стоя вровень со стеной, Охотник втягивал ноздрями аромат древесины и тянувшийся из Ведьминой избы шлейф благовоний. Охотник напряг слух. Он слышал, как согревающе потрескивали поленья в камине, как недовольно мяукал обиженный кот, как Ведьма говорила...

Ведьма вспоминала...

Глава 1

Метро

Перед глазами пролетали черные ленты проводов тоннеля Варшавской подземки. Провода тянулись вдоль бетонных блоков, колеса поезда стучали металлом – монотонно, ритмично. Девушка понимала, что ей уже случалось проезжать в таком вагоне, и не раз. Но дремота не отпускала, мешала собрать мысли воедино, в одночасье соединить разум и чувства. В голове творилась неразбериха. Она не могла вспомнить, как оказалась в вагоне метро, куда следует и который сейчас день и час.

Дремота заволакивала глаза туманом, не позволяя прояснить взор. Она опустила голову, посмотрела на руки: кисти облегали черные кожаные перчатки, размытое очертание ткани под напряженным взглядом наконец обрело четкость, и девушка позволила себе осмотреться.

Поезд как раз подъезжал к следующей остановке. Полупустой вагон поравнялся с табличкой с названием станции. «Имелин», – возвестил автоинформатор голосом Ксаверия Ясенского¹. Сидевшая напротив полная дама с усилием поднялась и, грузно ступая, побрела к выходу. Девушка проводила ее взглядом. «Может, и мне выйти?» Взор зацепился за висевшую на стене схему метрополитена: «Имелин», предыдущая станция – «Стоклосы». В уме тут же всплыли потускневшие в осенних заморозках туи, стриженный зеленый газон, строй фонарей подле простеньких деревянных скамеечек, корпуса университета с невысокими стенами салатово-зеленых тонов. Район Урсынув... Оттуда девушка держала путь, из университета возвращалась домой на окраину города. Все как всегда: та же дорога, заурядный, ничем не примечательный день, как сотни других до него. Но в чем тогда причина столь внезапной забывчивости? Такое происходило с Янкой впервые. После того, как она вынырнула из плена дремоты, ее более, чем забывчивость, обеспокоило некое неуловимое ощущение, будто она натворила что-то – не обязательно противозаконное, нет, скорее в корне неверное и необратимое.

Вагон качало, стучали рельсы, гул поезда отдавался в голове. Необъяснимое чувство давило изнутри, тревога нарастала. Янка смотрела прямо перед собой, созерцая свое отражение в оконном стекле, до тех пор, пока место, освободившееся после полной дамы, не занял вошедший на следующей станции пассажир. Янка окинула парня поверхностным взглядом: черная шапка надвинута по самые глаза, выдающиеся скулы, потрепанная косуха да потертые кожаные штаны – ничего заслуживающего внимания в облике вошедшего, в сущности, не было, но что-то волей-неволей заставляло взор возвращаться к нему снова и снова.

Девушка зевнула – опять наваливалась дремота, в которую не давали окончательно провалиться продолжавшее возрастать чувство тревоги и необъяснимая настороженность по поводу пассажира напротив. Янка опустила взгляд – в поле зрения попала обувь незнакомца: нечищенные ботинки с высоким голенищем наподобие берцев. Вид грязной обуви раздражал, и она сомкнула веки. Вновь открыв глаза, она обнаружила, что поезд отправляется, и следующая станция – конечная. За последними покидавшими вагон пассажирами захлопнулись двери, и они с незнакомцем в выпачканных берцах остались одни. Янка почувствовала себя неудобно и намеренно отвернулась, сделав вид, что изучает схему метро. Но дискомфорт усиливался – девушка безошибочно ощущала на себе посторонний пристальный взгляд. Ей вдруг подумалось, что та смутная тревога по поводу якобы совершенного поступка, ошибки, из памяти стертой, но сохранившей неприятный осадок, и подозрительный тип напротив – уму непостижимо как, но связаны между собой. И от этой думы бросало в жар.

¹ Ксаверий Ясенский – известный польский диктор, телеведущий.

Янка сняла перчатки, расстегнула ворот и воззрилась на попутчика. Ее пальцы до боли впились ногтями в кожу, – незнакомец неотрывно смотрел на нее, и взгляд его казался хищным. Растерявшись, девушка захлопала ресницами и опустила голову – уж лучше глядеть на нечищенные берцы, выдерживать такой взгляд – все равно что находиться под прицелом. «Ничего, скоро “Кабаты”, конечная, я выйду, и все закончится», – успокаивала себя Янка.

Гул поезда нарастал, срываясь на свист. До остановки оставались считанные секунды. Поезд замедлил ход. После пары коротких и одного длинного гудков автоинформатор сообщил о прибытии поезда на конечную станцию, сопроводив объявление вежливой просьбой освободить вагоны.

Девушка вскочила с места, пулей вылетела из дверей. В вестибюле станции по-будничному туда-сюда сновали люди, их присутствие и обыденное равнодушие возвращали девушке спокойствие и уверенность. Не оглядываясь, она поспешила наверх, к выходу. Окончательно унять отчаянное биение сердца ей удалось лишь выйдя наружу.

Ранние сумерки застлали небо Варшавы дымчатым саваном. Прохладный ветерок щеко-тал кожу под распахнутым воротом и приятно остужал. Янка уверенно ступала по асфальту, свободная от груза навязчивых мыслей. Подойдя к оживленному перекрестку, она остановилась, дожидаясь зеленого сигнала светофора, чтобы перейти дорогу. Неожиданно чья-то твердая рука с силой сжала ее локоть. Сердце кольнуло льдом, голова пошла кругом. Девушку качнуло в сторону, она развернулась на 180 градусов, ожидая увидеть глаза хищника из вагона метро. Ожидание обмануло – перед ней возвышался плечистый мужчина в полицейской форме. Он отпустил ее локоть, но во взгляде офицера читалось предельное внимание, казалось, он только и ждет момента, когда девушка решит пуститься наутек, а он, будучи наготове, вцепится в нее стальной хваткой, не дав ни на шаг сдвинуться с места. Полицейский пробурчал что-то сквозь зубы, по всей видимости, представился – Янка не разобрала, волнение переполняло, не позволяя сосредоточиться.

Окончание фразы ей все же удалось уловить:

– Вам придется проехать с нами. У нас есть к вам пара вопросов.

Девушка завертела головой, словно искала помощи. Случайные прохожие не обращали внимания на полицейского и юную девушку, до Янки с ее немой мольбой им не было ни малейшего дела.

– Разве я что-то нарушила? – спросила Янка, не различая собственной речи, так тиха и далека была она.

– Это мы и собираемся выяснить, – невозмутимо ответил полицейский.

– Я ничего такого не делала, – молвила девушка, чуть не плача, – это, должно быть, ошибка.

– Янина Ракса?

– Да.

– Значит, ошибки нет. Пройдемте! – приказал страж закона тоном, не терпящим возражений.

В этот момент кто-то грубо толкнул девушку в спину. На миг потеряв равновесие, она упала в объятия стража порядка, который с деланной заботой поддержал ее, настойчиво потянув за руку к ожидавшей у обочины легковушке с эмблемой полиции на двери. Янка послушно двигалась, не чувствуя ног, ощущение неотвратимости происходящего превращало ее в марионетку. Кто-то следовал на шаг позади, чье-то дыхание касалось ее кожи. Обернуться она не решалась, да и был ли в том смысл, когда неотвратимость связала ее по рукам и ногам...

Янка и глазом моргнуть не успела, как померк свет, теснота и темнота салона полицейской машины отделили ее от привычной жизни с предсказуемыми, расписанными по часам днями, где все безопасно, все под контролем. Она и не заметила, как начался ливень. Крупные капли дождевой воды стекали по лицу другого полицейского, того, что дышал в спину, – Янка

запечатлела его взглядом за мгновение до того, как он захлопнул дверь перед ее лицом. Дождь поливал стекло, будто из ведра. Сквозь водяные разводы Янка старалась разглядеть улицу с тем, чтобы запомнить... Безудержной волной накатило неизъяснимое предчувствие, что ей не суждено вернуться сюда никогда.

Расплывчатым пятном за окном на тротуаре вырисовывался темный силуэт. И, точно по заказу, водяное кольцо на стекле истончилось до тонюсенькой струйки, и перед взором Янки предстала высокая фигура. Внезапное волнение точечными разрядами вырвало ее из оцепенения, – на тротуаре под дождем стоял тот самый парень из вагона подземки, стоял и смотрел на нее, как тогда в метро, пристальным взглядом голубых, очень светлых глаз. На этот раз Янка и не думала отводить взор. А незнакомец меж тем, подняв руку, водил ею по воздуху, вычерчивая какие-то знаки. Янка поняла, что ошибалась, подозревая в нем дурное, как знала и то, что их встреча не случайна: и он, и знаки – все связано с ней и все для нее. И вовсе не незнакомца ей следовало опасаться, не его, а тех, кто увозил ее сейчас в подступивших серых сумерках Варшавы прочь из города в пугающую неизвестность.

Глава 2

Согласие

– Куда мы едем? – спросила Янка, когда город исчез за стеной дождя.

Оба ее спутника презрительно молчали. До ближайшего полицейского участка было рукой подать, да за это время можно было добраться до любого другого участка и успеть вернуться назад. В какую глушь и зачем везут ее молчаливые полицейские?

Следовало догадаться раньше: законники так себя не ведут, законники так не действуют. Законники не похищают людей. А происходящее определенно смахивало на похищение.

– Дай руку!

От голоса липового полицейского Янка вздрогнула. Ее локти точно примагнитились к телу, – она защищалась, прежде чем успела помыслить о защите. Второй полицейский, тот, что пониже, перегнувшись через переднее сиденье, отработанным движением ухватил ее ладони, дернув руки пленницы на себя. Янка пронзительно закричала, и в этом крике испуг, паника, осознание собственной беспомощности соединились с безраздельной горечью утраты жизни с ее смехотворными неурядицами и недооцененными радостями, что неотвратимо растворялась в приближавшейся ночи, забытая в прошлом где-то в наводненном людьми вестибюле конечной станции Варшавского метро. Равнодушная ночь поглотила крик, и сил надрывать голос не осталось совсем, когда острый шип, вылетев из похожего на игрушечный пистолет аппарата, вонзился в предплечье пленницы. Покончив с делом, полицейский отвернулся без лишних слов и движений.

Девушка смотрела прямо перед собой. В голове раз за разом щелкал «пистолет», и щелчок этот слышался не впервые, странно знакомый звук. Лучи фар взрезали темень, разделяя пространство на куски, как податливое тесто, разграничивая влажной асфальтовой полосой удалявшийся жилой район от безлюдной промышленной зоны. По обеим сторонам трассы раскинулись поля. Снопы сена, сложенные конусами, чуть заметно колыхались на ветру. Вдоль дороги тянулись ангары прямоугольной формы, издали похожие на спичечные коробки.

Водитель резко взял влево. Автомобиль подпрыгивал на кочках, бледные стены ангаров заплясали перед глазами Янки, мелькая на затуманенной эстраде темно-серого неба с редкими проблесками холодных звезд. Тряска длилась недолго. Автомобиль поравнялся с металлической дверью одного из ангаров, и Янку буквально выпихнули из салона. Первый провожатый, тот, что остановил девушку у светофора, потряс ее за плечи. Она с недоумением и страхом воззрилась на грубияна. Клацнул железный засов – «полицейский» отворил ангар. Сердце девушки учащенно забилося, глаза умоляюще впелись в лицо похитителя, разум отказывался верить, что это происходит с ней, и наяву.

– Яна Ракса, – заговорил мужчина, комкая слова, будто только что расклеил рот, – поскольку вы дали согласие на участие в экспериментальной программе Трех ступеней, прошу проследовать внутрь!

Он указал на отворенный ангар, откуда скверно пахивало гнилью и сыростью.

– Кто? Что? Я? Какая программа? – девушка залепетала, словами опережая мысли, где едва затеплился огонек надежды. «Очевидно, меня с кем-то перепутали, стоит только объяснить, и они поймут. Они отпустят меня».

С твердостью, на какую только была способна, Янка уперлась башмаками в землю. Подошвы кроссовок сразу утонули в жидком грунте.

– Никому никакого согласия я не давала! О программе впервые слышу! – громко на одном дыхании бросила она в лицо «законнику».

«Полицейский» оставался невозмутим. Казалось, он наперед знал, что она скажет, и эта невозмутимость пугала до жути. Неторопливо он расстегнул карман форменной куртки, достал оттуда сложенный вчетверо бумажный лист, развернул.

– Ваша подпись?

Витиеватая «R», выведенная синими чернилами, и что самое ужасное – без сомнения собственноручно Янкой, красовалась на белом листе, аккуратно над желтоватым ногтем полицейского (возможно ине фальшивого, как знать...). На бумаге жирным печатным шрифтом значился заголовок «Согласие», под ним – название программы Трех ступеней и далее мелким шрифтом текст.

Девушка, в безуспешных попытках подавить страх, читала написанное словно сквозь мыльные разводы. Буквы наползали друг на друга, но тем не менее содержание документа представляло с не оставляющей места для двусмысленностей определенностью. Участник эксперимента, находясь в здравом уме, без какого-либо принуждения, по доброй воле принимает на себя всю ответственность и риски, сопряженные с участием в эксперименте. Кроме того, участник заранее дает согласие на ограничение в отношении него свободы действий, передвижений и контактов, добровольно отказывается от использования мобильных устройств и иных средств связи на все время эксперимента, упоминание о точных сроках которого в документе не значит. Участник обязуется следовать всем указаниям организаторов программы. Ниже-подписавшийся заявляет, что полностью здоров, не имеет хронических заболеваний и иных противопоказаний, препятствующих его участию в эксперименте... И так далее...

Ясно, никто в здравом рассудке не стал бы подписываться под этим. Но при всей абсурдности ситуации под документом в самом деле стояла ее подпись, узнаваемая, подлинная. Фитилек надежды, толком не успев разгореться, затухал на глазах.

– Пройдемте! – нарочито вежливо повторил полицейский, настойчиво толкая Янку вперед.

В дверях ангара девушка оглянулась. В осенней ночи на замерзшем поле доживали последние дни состарившиеся колосья. А высоко в небосводе одинокая звезда уныло подмигнула несчастной и скрылась безучастно, настигнутая хмурой тучей. Еле волоча ноги, Янка переступила порог ангара, вдохнув затхлый запах, исходивший от заплесневелых стен. Тупой занозой в голове засела всепоглощающая мысль: откуда на злополучном документе взялась ее подпись? Разум девушки упорно отказывался принимать действительность, не докопавшись до сути. Об этом и только размышляла она, когда заштукатуренные швы меж бетонных блоков начали расширяться, вовлекали внимание в необозримую чернь. И блеклые лампочки, дрожащие на стенах, поплыли, теряя форму, растягивались до невероятных пределов, чтобы в итоге слиться в единое безразмерное белое пятно. Об этом и только размышляла она, не обращая внимания на голоса провожатых: те звучали в отдалении, почти не касаясь слуха. Из помутневших вод сознания на поверхность постепенно всплывали образы...

* * *

На редкость утомительный выдался день. Янка плетется в хвосте среди студентов, покидающих аудиторию, где только что окончилась последняя лекция. Боковым зрением она замечает женщину в медицинском халате, стоящую в коридоре, будто в ожидании. Женщина, ей не знакомая, прижимает к груди тоненькую красную папку. «Наверное, новая медсестра, – думает Янка. – А может, и не новая». В разгул эпидемии гриппа осенью и весной медицинские работники – частые гости в университетских коридорах. Женщина в белом, поймав на себе взгляд девушки, ни с того ни с сего расплылась в улыбке и поманила Янку рукой. Студентка нехотя приблизилась.

– Я не отниму много времени, – сказала медработница, поздоровавшись. – Ты ведь участвуешь в «Осенних стартах»? Твое имя значится в заявке. Дисциплина – плавание, все верно?

– Верно, – ответила Янка, сообразив, в чем дело.

С ранних лет она занималась плаванием. Вода – ее стихия, и она не упускала случая поучаствовать в университетских состязаниях, не без оснований рассчитывая на призовое место. Перед соревнованиями участники проходили стандартный медосмотр, как правило, ограничивавшийся измерением давления да забором крови на анализ. Янка вспомнила, что до предстоящих «Осенних стартов» оставалось всего ничего, а она до сих пор не удосужилась посетить медицинский кабинет.

– Я собиралась зайти на днях, – спешно заговорила девушка, предвзято вопрошая медсестры.

Улыбка медсестры растянулась еще шире, став похожей на улыбку чеширского кота, тем самым скорее отталкивая, нежели располагая. Вместе с обладательницей сверхлюбезной улыбки они двинулись по коридору, завернули за угол, где за декорированной аркой размещалась небольшая комнатка медперсонала. Женщина замешкалась, чуть больше, чем следовало, провозилась со связкой ключей, прежде чем открыла замок, но Янка не придала этому значения.

Втянув ноздрями пропитанный медикаментами воздух непроветренного помещения, девушка заняла свободный стул, приготовившись услышать команду подвернуть рукав для замера давления. Но команды не последовало. Медсестра, на халате которой поблескивал бейджик с именем и говорящей фамилией – Марыся Добрая, сообщила девушке, что у той не сделана прививка от гриппа, без которой ее не допустят к соревнованиям.

– Я не первый раз участвую в стартах, и никогда на моей памяти для допуска не требовали ставить вакцину, – возмутилась девушка.

Медсестра Добрая нарочито благожелательно принялась вещать зауценную речь о неблагоприятной эпидемиологической обстановке, новом министерском предписании, которое обязывает, и организаторы соревнований вынуждены следовать ему, но если она не желает, имеет право отказать... Марыся могла еще долго щебетать, но Янка уже достаточно утомилась и, прервав ее на полуслове, попросила скорее перейти к делу. Тогда она и услышала щелчок медицинского пистолета, показавшийся ей знакомым позже на темной трассе, в убежавшем из города авто. На том медицинская часть процедуры завершилась, но перед уколом назойливая медсестра успела подсунуть Янке на подпись пару бумажек, как выразилась Добрая, «для галочки», дескать, для соблюдения обычных формальностей. В памяти девушки возник заголовок на верхнем листе только что подписанной бумаги, за секунду до того, как ловкая медсестра успела спрятать его в красную папку: «Согласие» – так назывался документ. Прочла его Янка?

Конечно же, нет. Зачем вникать в содержание стандартного бланка? Но загадка происхождения злополучной подписи, похоже, была решена. Объяснилась и ее подозрительная забывчивость, когда, возвращаясь из университета, в вагоне метро она будто очнулась ото сна. Ей что-то вкололи, и определенно не вакцину.

* * *

Эффект от того же препарата, воздействию которого она подверглась дважды в тот день, она ощущала и теперь, следуя в полудреме на невидимом поводке за молчаливыми конвоирами. Вокруг стелился туман. Туманны были и ее мысли: спутанные, они текли рекою где-то далекодалеко, безразличные ей самой. Странная расслабленность ощущалась во всем теле, будто и тело не принадлежало ей, и не было ей до него никакого дела. Механически передвигая ноги, шла она вперед, опустив голову, равнодушно наблюдая, как бетонное покрытие сменили

влажные плиты натурального камня. Девушка начисто утратила интерес к происходящему, и ее ни чуточки не удивила резкая, безо всякого перехода, смена потолочного освещения на пещерную тьму. Провожатые достали карманные фонарики, и их голубое сияние рассекало густой мрак. «Море...» – подумала Янка: в воздухе явственно чувствовалась соль, и мысль эта вслед за прочими пропала в отдалении, не коснувшись и тени сознания.

Еще немного, и позади опустилась зубастая металлическая решетка. Режущий свет ударил в глаза, так, что пришлось зажмуриться. Когда свет перестал жечь и стало возможным распахнуть веки, Янка обнаружила, что проводящие чудом испарились. Она стояла в полном одиночестве в центре просторной анфилады с устремленными ввысь мраморными колоннами, несущими на своих плечах примыкающие друг к другу стеклянные купола, откуда разливался мучительный стерильный свет. Звуки достигали уха с некоторым запозданием, подобно эху из далекого источника. Неровные стены неотесанного камня донесли мелодичный звон колокольчиков, в действительности возникший минутами ранее и лишь теперь догнавший настоящее. Между колонн были встроены, незаметные с первого взгляда дверные проемы овальной формы. Гладкая, отражающая поверхность дверей сияла холодной сталью. И холод сковал сердце, стоило Янке помыслить о том, что может скрывать неподвижность монументальной твердыни.

Глухой монотонный скрежет прокатился под сводами, ненавязчиво и деликатно он отодвинул тягостные мысли в тень. Без особого любопытства, словно наблюдая за собой со стороны, Янка посмотрела вверх, и в груди как будто потеплело: живое нечто, взобравшись под самую капитель, цепкими длиннющими конечностями обнимало колонну. Живое выглядело несуразно: шерстистое туловище походило на обезьянье, если бы не уродливый горб с проплешиной, обнажавший обтянутую розоватой кожей позвоночную кость; голова, почти неразличимая с точки обзора, где стояла девушка, представлялась массивной. Существо периодически отнимало от колонны правую руку и зажатым в ней инструментом – то ли стамеской, то ли скульптурным стеклом – обрабатывала украшавший капитель барельеф. Его работа и была источником скрежета – единственного звука в глухой тиши безлюдной анфилады. Глядя на живое, донельзя примечательное существо, девушка оживала сама. А возможно, действие препарата, парализующего волю и вводящего сознание во мрак, со временем ослабло. Так или иначе, Янка вышла из ступора, почувствовав острую потребность говорить со странным созданием.

Но не успела она открыть рот, как из глубины анфилады, шаркая сапогами, явились старые знакомцы в полицейской форме. Решительным шагом высокий широкоплечий полицейский приблизился к девушке и как тогда, у светофора, взял ее за локоть, толкая в направлении одной из дверей. Среагировав на повторявшийся сверху скрежет, он поднял голову, не найдя ничего любопытного (по-видимому, присутствие странного существа здесь никого не удивляло), остановил каменный взгляд на лице Янки. Девушка ощутила неловкость и отвела взор, взглянув вверх, – в этот миг скрежет прекратился, каменотес прервал работу, свесился вниз, с интересом рассматривая новую посетительницу его мастерской, а та, в свою очередь, неотрывно глядела на него: голова существа, державшаяся на тоненькой шее, казалась приплюснутой, щеки непомерно раздуты, рыбы глаза того и гляди вылезут из орбит, и девушке на мгновение почудилось, что изначальное любопытство в них сменилось мольбой.

Грубый подзатыльник отвлек внимание Янки от диковинного существа, а спустя секунду перед ее носом оказалась табличка с изображением мультяшного зверька, какого – она не успела толком разглядеть, ее тотчас протолкнули вперед. Недвижность камня и бесчувственность монументальных колонн снаружи обещали безрадостный аскетичный минимализм внутренних помещений, но никак не то, что открылось глазу. Янка очутилась в по-домашнему уютной комнатке, оклеенной фотообоями с панорамой зеленого леса. В приглушенном свете энергосберегающей лампы расположился угловой диванчик с заботливо сложенным на подло-

котнике пледом, столик из светлого дерева, на блестящей лакированной поверхности которого лежали письменные принадлежности и стопка бумаги. Противоположный угол занимал гардероб, выполненный из того же массива, что и стол. За приоткрытой дверцей шкафа девушка обнаружила одежду сплошь черно-белых тонов. Развешанные на расстоянии друг от друга брючные костюмы, блузы и платья источали свежесть новых, ненадеванных вещей. Но прикоснуться к ним означало принять навязанный плен, принять игру с неизвестными правилами.

Не тронув ни одной вещи, Янка отвернулась от гардероба – она не желала принимать. Не желая, не веря в то, что не укладывающиеся в голове события происходят наяву, она присела на диван – тот не провалился сквозь пол, как она того втайне ожидала. Откинувшись на спинку, она почувствовала затылком мягкий валик. Рука легла на плед. Приятная гладь флисовой ткани умиротворяла расстроенные струны нервов. Грузной волной накатила усталость, окончательно взяв над ней верх. Под нежным прикосновением пледа девушка провалилась в сон. И был тот сон лихорадочен, неглубок. Подобно наваждению, туманные дали, что проводжали ее накануне, являли лица родных и друзей, и ум ее, побуждаемый жадной надеждой, распрощавшись с тревогой, балансировал на границе спокойствия и умиротворения рожденными образами и мыслями о том, что ее ищут, ее обязательно найдут.

Глава 3

Мать и тень

Должно быть, в эту минуту ее мать, пани Эльжбета, по привычке помешивая серебряной ложкой остывший чай, сидит в приемном кабинете учрежденного ею Фонда, выслушивая историю очередной жертвы домашнего насилия. Исхудала Эльжбета, высохла совсем, подурнела, принимая на себя чужое горе, Янке больно смотреть. «Стареть печально и больно», – думает Янка. Беспощадное время, изнуряющая нервы работа – прикрытые для незаживающей раны, оставленной горем прошлого, – выкрали у нее не только очарование молодости, они иссушили ее сердце, ожесточили, покрыв ледяной коростой. И дочь родную не пускала она в сердце свое – уж больно напоминала Янка ту, другую, явившуюся на свет двумя минутами ранее, умершую. Эльжбета предпочла день за днем делить чужое горе, – в нем она топит свое, – так считает Янка, – искупает вину, которой нет.

Чай остыл, а Эльжбета не в силах сделать глоток. Напротив сидит женщина, и ее история берет за живое. Женщина, если брать в расчет годы, на порядок моложе Эльжбеты, похожа на собственную тень: под глазами намечаются мешки, землистый цвет кожи, маска печальной жертвенности на лице, уголки губ опущены – лицо, не знающее улыбок. В женщине нет жизни, дух будто покинул ее тело безвозвратно. Она говорила, но не Эльжете, а себе, своим воспоминаниям, целиком поглотившим ее, и сама была где-то в прошлом, тонула в переживаниях о своем горе, пребывая где угодно, но только не здесь.

За годы работы в Фонде Эльжбета повидала тысячи таких опустошенных, безвольных, жизнью побитых. Как и многие, кто находил у Эльжбеты приют, женщина была жертвой. Разнилось одно – к бытовому насилию ее история не имела отношения. Женщина побывала в настоящем плену, длившемся долгих три года, и плену весьма странном. А похитил ее настоящий псих, который, кстати сказать, до сих пор разгуливал на свободе. Женщина так и не сумела вернуться к нормальной жизни. В семье ее не ждали: гражданский муж, считая ее погибшей, обзавелся новой спутницей, – у него на руках остались двое малолетних сыновей, которые нуждались в матери. Так муж оправдывал себя. Да и кто возьмется судить? Но все это ровным счетом не имело никакого значения, когда вместо жены вернулась тень, сосуд, выпитый до дна больным, одержимым созданием. Нанесенная мужем обида не могла ранить. Чувства (худые ли, добрые) переломили жернова мук и вынужденного долготерпения. Так за годы плена родные сделались чужими. И еще этот вечный холод, что ощущало тело. Женщина мерзла постоянно, без причины, дрожала, ежилась от озноба, сжимаясь и сутуля спину.

Из кармана вылинявшей куртки достала пачку сигарет «Честерфилд», пальцы дрожали, как и все тело. Из пачки выпала зажигалка, звякнула по столу, очутившись на стороне Эльжбеты. Пани директор не одобряла курение в кабинете, однако остановить женщину не осмелилась, интуитивно опасаясь своим неуместным запретом надломить и без того хрупкую конструкцию того психоэмоционального скелета, что пока еще поддерживал ее целостность.

– Клара, – обратилась Эльжбета к женщине, подняв выроненную зажигалку. Она поднесла зажигалку к лицу Клары, чиркнув колесиком, голубоватое пламя взметнулось вверх, и посетительницы будто и вовсе не стало – такой блеклой, бестелесной казалась она позади живого огня. – Ты обратилась по адресу. Здесь ты найдешь помощь. Оставайся сколько тебе будет угодно!.. Сколько потребуется для восстановления сил, – пани директор поспешила вности ясность, приметив, как вдруг из пустоты потухших глаз женщины взметнулись искры, при том сами глаза были будто бы ни при чем, – существовали лишь искры, искры холодные и хищные. Резкая перемена оттолкнула Эльжбету.

Зазвонил телефон, и она с облегчением отвела взгляд, в душе улыбаясь представившемуся случаю отвлечься. В застывшей тишине кабинета зазвучал громогласный сбивчивый вихрь из хаотичных фраз и междометий. Звонивший – муж Эльжбеты, Вацлав, с трудом переводя дыхание, бессвязно бормотал. Из сумбурного потока слов Эльжбета не без усилий, но все же вычленила суть: время позднее, а Янки все нет и нет, университет закрыт давно, а ее все нет, и телефон недоступен, никто из друзей понятия не имеет, куда она запропастилась, и нет ее нигде, пропала Янка.

Эльжбета не готова была вот так сразу разделить панический настрой мужа – сердце остыло давно, не зная волнений с той поры, как ушла та, первая, особенная.

– Возьми себя в руки, Вацлав! – металлическим голосом процедила она в трубку. – Янка уже не ребенок, у нее могли найтись дела, в которые у нее не было нужды тебя посвящать. Телефон, вероятно, разрядился. Зря ты панику развел! Ей-богу!

Однако беспокойный отец встревожился не на шутку.

– Эльзи, – говорил он, то и дело перебиваемый собственным прерывистым дыханием, – ты сама знаешь, Янка всегда на связи. Не было и часа, чтобы она... Не похоже это на нее... Вот так пропадать... Не про нее это...

Эльжбета живо представила, как супруг «на нервах» механически вытягивает из своей макушки реденькие волосики, раздвигая границы едва наметившейся плечи.

– Успокойся, не паникуй раньше времени! Я скоро буду, и мы во всем разберемся, – смягчившись, произнесла она, мельком взглянув на посетительницу.

Женщина, похожая на призрак, докурив, застыла вновь без признаков жизни. В подчинении Эльжбеты имелся немногочисленный штат пансиона, оборудованного в помещении Фонда. Ближе к вечеру большинство работников расходилось по домам, но на вахте всегда оставался кто-то. Кликнув дежурного, пожилого горбуна пана Войчика, Эльжбета на ходу отдала необходимые распоряжения насчет новой постоялицы. Шаркая по ламинату домашними тапками, пан Войчик размеренно и неторопливо принялся их выполнять, – благо поднести тощий рюкзак в свободную комнату да показать Кларе кухню и прочие места общего пользования в пансионе – дело необременительное. Сама Эльжбета живо засобиравшись домой, не то чтобы всерьез предчувствуя неладное, не то чтобы волнуясь, скорее ею руководил здравый смысл – успокаивая супруга, она все же кривила душой: Вацлав прав – пропадать запросто, не давая знать о себе, с характером Янки никак не соотносилось.

Перекинув дамскую сумочку через плечо, она наскоро накинула плащ и, проверив в кармане ключ от автомобиля, поспешила вниз по лестнице, спускаясь в парадную. За дверью слышался шум ветра. Клацнул замок, и волна холодного воздуха ужалила лицо – дверь распахнулась за миг до того, как женщина собиралась ее толкнуть. На пороге пансиона стоял незванный гость, крайне неудобное время он выбрал для визита. Они столкнулись лицом к лицу – Эльжбета и худощавый брюнет в комичной, по мнению консервативной дамы, шляпе с широкими полями и болотного цвета дождевике.

– Детектив Роман Любич, – представился визитер. – А вы, должно быть, Эльжбета Ракса?

– Да, да, – торопливо закивала женщина, стоя в дверях. Чудовищная догадка пришла ей на ум и она, сделав шаг назад, позволила мужчине пройти в помещение.

«Серая моль, волевая, жесткая, но определенно чем-то встревожена» – охарактеризовал про себя Роман директора пансиона, выцепив взглядом ее призрачный силуэт в сером пальто и лицо – бесцветное, вероятно, некогда привлекательное, с выдающимися скулами и резкой линией рта. Глаза проникнуты нетерпением.

– Моя дочь... Что с ней? – спросила женщина. В ее голосе чувствовались легкая хрипотца и более явно – стальные ноты.

Роман невольно ссутулился под ее требовательным взглядом.

– Ваша дочь? – произнес он озадаченно. – Простите, не понимаю. Я здесь по другому поводу. О вашей дочери мне ничего не известно.

Эльжбета выдохнула, издав вымученный грудной стон. Внутри закипало раздражение. С трудом сдерживая гнев, она выпалила:

– Что бы вас, пан полицейский, ни привело ко мне, это может подождать. Я тороплюсь, а вы меня задерживаете! Моя дочь до сих пор не вернулась домой. Муж как на иголках, а у него сердце больное. Не знаю, что и думать. А вы, молодой человек, только время отнимаете!

Эльжбета решительно двинулась к выходу. Оставив полицейского внутри, рванула дверь наружу, петли жалобно взвизгнули. Широким твердым шагом женщина устремилась к машине, безразличная к порывистым завываниям ледяного ветра. Роман вышел следом, засеменяя рядом, неуклюже поддерживая слетавшую на ветру шляпу.

– Понимаю ваше беспокойство, – вкрадчиво лепетал он, – но мое дело также не терпит отлагательств. Окажите любезность, поручите кому-нибудь из своих сотрудников проводить меня к некой Кларе Милич, по моим данным, она не далее как сегодня заселилась в ваш пансион.

Эльжбета как раз усаживалась в водительское кресло «Тойоты Ярис» кроваво-красного оттенка в дождливых осенних сумерках. Дверца автомобиля была приоткрыта, и женщина на миг застыла, красноречиво стрельнув взглядом.

– Зачем вам Клара? – спросила она.

– Надо задать ей пару вопросов. Я веду расследование серийных убийств. Она – единственная выжившая жертва, понимаете? Единственный свидетель!

– Девочка сейчас не в том состоянии, чтобы отвечать на вопросы, – сурово изрекла Эльжбета (определение «девочка» вырвалось произвольно, и она сама тому удивилась, вспомнив, насколько не подходит оно для бледной сморщенной тени).

Эльжбета дернула дверь, но рука настырного детектива удерживала стойку.

– Простите, – начал он, поневоле считывая нарастающее раздражение в лице женщины, – а вам лично она не успела поведать подробности своего похищения?

Понимая, что от наглеца так просто не отделаться, кивком головы женщина указала на пассажирское сиденье. Роман не заставил себя долго ждать. Окрыленный, он перепорхнул через капот машины, ловко спланировал прямо в салон, заняв кресло рядом с водителем. Двигатель «Тойоты» взревел, капот кровавой вспышкой мелькнул под уличным фонарем, и автомобиль спешно влился в поток вечерних улиц.

Роман дорожил временем, не стал ходить вокруг да около и сразу перешел к делу, попросив женщину по возможности воспроизвести рассказ Клары.

– Клара Милич, двадцати восьми лет от роду, счастливая жена, мать двоих детей, около трех лет тому назад поздним осенним вечером прошла через турникет больницы, где работала медсестрой. Переглянувшись со служащей регистратуры, махнула ей на прощание рукой, после ее никто не видел. Спустя три года она сама объявилась в полицейском участке на окраине Варшавы – случайные люди подобрали ее у шоссе. Одета в грубую безразмерную льняную рубаху ниже колен, босая, с расцарапанными руками и белым как известняк лицом, спутанными невымытыми волосами, она походила на пугало. Забавно, если не принимать во внимание факт, что такими же белыми и обескровленными были обнаружены и другие жертвы. Она – единственная, кто выжил. Это то, что знаю я, – Роман, не таясь, раскрывал карты. – Сдается мне, вам известно больше. Что Клара рассказала о тех трех годах плена? Как ей удалось из него вырваться?

Огни Варшавы радугой плясали по стеклу, время от времени подсвечивая лицо Эльжбеты – несуразная вертикальная морщина, пролежавшая по центру лба, стала заметно глубже, когда она вместо ответа задала вопрос:

– Позвольте узнать, с чего вы взяли, что она стала жертвой того самого субъекта, которого вы подозреваете?

«С этой дамой каши не сваришь», – подумал Роман, уже жалея о потерянном времени.

– Уверяю вас, это он! Все жертвы – из на редкость благополучных семей, и дело не в материальном достатке, отнюдь, всех жертв объединяло простое человеческое, если хотите, женское счастье: любящий муж, дети...

– Ну, знаете... – Эльжбета негодуяще фыркнула.

– Простите, позвольте договорить! – череда возражений была предсказуема, и Роман решил до этого не доводить. – Дети! Именно дети! Дети каждой из жертв в День святого Сильвестра² получали бандероль – дорогую игрушку, конструктор или вроде того от неизвестного отправителя, предположительно – похитителя. Убийцу потому и прозвали Святым Николаем³. Дети Клары тоже получили подарок – этакую своеобразную визитную карточку преступника.

Эльжбету передернуло – так живо, натурально до жути перед глазами предстали сцены из рассказа амебopodobной Клары, и словно дрожь ее, Клары, рук передалась Эльжбете. Та крепче сжала руль. Детектив проявил достаточно терпения, пора было дать ему то, чего он с такой безукоризненно вежливой назойливостью выпрашивал. Тянуть бессмысленно. С видимой неохотой женщина заговорила, буквально цитируя всплывавшие в памяти слова постоялицы, будто вновь чиркнув зажигалкой, она подсвечивала из самого дна тлеющие пятнышки бесцветных глаз, и поток речи, безжизненной и монотонной, вверх Эльжбету в воды мертвой реки:

«Он шел за мной от самой больницы. Он не таился, не боялся обнаружить себя, будто был ни при чем, случайный прохожий, идущий по своим делам. Но его шаги за моей спиной шорохом опавшей листвы, ветром, секущим по волосам, выдавали его истинное намерение, настойчиво твердили, что он очень даже при чем. Но я, как нарочно, гнала дурное вон из головы. Варшава – большой город, полный людей, привычная дорога домой, где тепло и уют, привычка жить, целиком уверившись в незыблемости собственного благополучия, – все это не допускало мысли об угрозе, не допускало и доли вероятности лишиться всего в одночасье.

А он тем временем шел за мной по пятам скользкой походкой, минуя людный перекресток, к набережной Вислы. На подходе к тоннелю, ведущему в старый город, я забеспокоилась – вокруг ни души. Остановилась, осмелившись оглянуться – ничего, леденящая пустота, лишь сероватая дымка вечернего тумана сгущала воздух. Никого, и преследователя тоже... Я снова посмотрела вперед – огни тоннеля тепло мерцали, я решительно двинулась на обещанный свет. Напрасно... Стук каблуков о плитку, понятный и успокаивающий, не в состоянии скрыть от слуха навязчивое скольжение, ползущее на шаг позади. Поздно! Холодная влажная материя закрыла мне лицо, я непроизвольно вдохнула. Острый запах обжег грудь. Стены тоннеля расплывались перед глазами, я упала, лишившись чувств. Чьи-то руки поддержали меня, и отчетливой вспышкой исчезающего сознания открылась явь – страшнее тех участливых рук не было в моей жизни ничего.

Ужас – первое, что я ощутила, очнувшись на кушетке в полуподвальном помещении, где единственным источником света служило зарешеченное оконце под самым потолком. Разглядыв за окном движение – чьи-то ноги в черной обуви промелькнули снаружи, – первой мыслью было позвать на помощь. Резво вскочив с места, я ринулась к окну, на ходу схватив оказавшийся под рукой пластмассовый табурет. Встав на него, я дотянулась до прутьев решетки и принялась всматриваться сквозь немытое стекло. Сердце тут же упало. Площадка голого асфальта – насколько хватало обзора, и никого кругом. Но вот черные ботинки снова прошаркали снаружи.

² День святого Сильвестра – католический праздник, совпадает с Новым годом, именован в честь римского папы Сильвестра I, который, по преданию, поймал змея Левиафана и спас мир от конца света.

³ Святой Николай – польский аналог Деда Мороза и Санта-Клауса, в период с 6 декабря по новогоднюю ночь приносит подарки детям, его прообраз – св. Николай Мирликийский.

– Помогите! – отчаянно закричала я.

Решетка была узкая, и расстояние не позволяло дотянуться до стекла, мне ничего не оставалось, как только взять валявшуюся у кушетки туфлю и бить каблуком о решетку в надежде произвести хоть какой-то шум. Ботинки остановились, развернувшись носами к окну. Сердце забилося в радостном волнении. Я стала стучать сильнее и снова звала на помощь. Ботинки развернулись и вскоре скрылись из виду. Спустя минуту я услышала позади звук поворачивающегося ключа. Скрежет отворяемой двери безнадежным стоном припечатал мои ступни к табуретке, на которой я продолжала стоять. Колени мои подкосились, стоило полоске света из зарешеченного оконца проникнуть в помещение, мимоходом скользнув по дверному проему: знакомые ботинки, те, что минутой ранее наблюдались снаружи, направили свои острые носы прямо на меня.

Тело пронзила дрожь. Я зажмурила глаза, стараясь не смотреть в лицо похитителю. Слышала, как шелестящим шагом он приближался ко мне. Каждый новый вдох теснил грудь. Не отдавая себе отчета, я распахнула глаза. Нет, не лицо человека я увидела перед собой, а жуткую маску – безносую с раззявленным ртом и круглыми прорезями для глаз размером с крупные пуговицы. Одет он был в свободный черный пуловер с рукавами, целиком прикрывавшими кисти. Я даже не сразу заметила, что он держал что-то в руках. Бумажный пакет... Он поставил его на столик возле кушетки и молча направился к двери. Уходя, он обернулся.

– Делайте, что я вам велю, и скоро будете свободны. И... ешьте, ешьте! – сказал он и вышел вон.

Голос его звучал обыденно, вежливо и... молодо. Если бы не известные обстоятельства, я бы сочла его превосходным образчиком гостиничной obsługi, что всякий раз угодлива и предупредительна. Как ни странно, я тут же успокоилась. Не то чтобы я поверила его словам, скорее, заставила себя поверить, поскольку знала – иначе не выжить. И эта его маска, что должна бы пугать, но нет... она вернее его обнадеживающих слов снимала тревогу – само ее наличие свидетельствовало о его намерении скрыть свою личность. Не будь маски, не было бы и шансов на спасение: зачем прятать лицо от потенциального покойника? Рассудив, что убивать меня в его планы не входит, я на время перестала терзаться. Развернула пакет и поела, как было велено.

Все последующие дни походили один на другой. Я и вообразить не могла, что он заставит меня делать! Вы не подумайте, это было настолько далеко от всех мыслимых пошлостей или извращений, насколько нелепо и абсурдно. Посреди комнаты располагалась деревянная расписная конструкция. Поначалу я приняла ее за некую декоративную деталь интерьера: дощечка с витиеватым орнаментом в виде ярко-салатовых виноградных гроздей на небесно-голубом фоне была прикреплена к узенькой допотопной лавке, служившей подставкой. Позже выяснилось, что это – прялка. И моя задача состояла в том, чтобы прясть.

Едва он изложил свои безумные, но вместе с тем нехитрые требования, я возликовала в душе. «Вытягивать из кудели нить и накручивать на веретено – нехлопотное дело», – так думала я, предвкушая скорое освобождение. Но стоило приблизиться к лавке, как появившаяся без мыслимой причины туча сомнения заслонила свет едва вспыхнувшей надежды. Внезапное волнение нахлынуло, не отпуская ни на секунду с того момента, как я села за прялку. Он во всех подробностях разъяснил мне устройство прялки и технику работы с ней, как ни парадоксально – излишне, – непостижимо откуда, но я загодя знала тонкости ремесла – до того, как села на лавку, левой рукой потянула с лопасти нить льняного волокна, намотав ее на березовое веретено, что держала в правой руке. Руки знали, словно помнили скрытое от разума, и это страшило.

Он приходил на заре в неизменной маске, шурша новым бумажным пакетом с ежедневным пайком, а после уходил, чтобы вернуться на закате под умирающим светом дня забрать метры готовой пряжи. Так продолжалось изо дня в день. Сперва я спрашивала его: сколько я

должна напрясть, чтобы он отпустил меня? Он только ехидно усмехался, оставляя вопрос без ответа. По прошествии месяца или около того все же ответил: «Для начала вы должны перестать спрашивать...» Ответ не внес ясности. Но задавать вопросы я перестала. Со временем пропало и желание их задавать. Я пряла и думала, в мыслях убегая из опостылевшего подвала к сияющему солнцем прошлому – жизни в любви, с любовью, в привычной нежности и покое, к бастиону семейного благополучия, который мнился нерушимым, а на поверку вышел хрупким, как надтреснутое стекло. Пальцы тянули нить, и мои мысли о прежней жизни, радостях любви вплетались в нее, а березовое веретено с острым кончиком и гладким вошечным стволом принимало кудель, а вместе с ней – мои сокровенные думы об утраченной радости и беспечном счастье, обрамленном беззаветной любовью. Веретено принимало вытекавшие с потом и слезами крупички былого, в то время как тело мое и разум опустошались день за днем, пока не уподобились иссушенному роднику, откуда мой жадный мучитель все не оставлял попыток выцедить последние капли, с каждым новым закатом унося с собой новую катушку готовой пряжи.

В какой-то момент я поймала себя на том, что больше не помышляю о свободе. Прясть вошло в привычку. Эти тонкие нити льна на моих пальцах, послушное веретено, все мирно, покойно, бесстрастно. Мне не хотелось больше с ним говорить – не о чем спрашивать. Привычка стала мной – кудель, бесчувственные пальцы держат веретено, словно так было всегда, так должно быть. Позже я стала забывать о еде. Случалось, пакет на столе до позднего вечера оставался нетронутым. Тогда он по приходе напоминал, говорил, что в пакете еда и я должна есть, и я послушно ела, и лишь во время еды осознавала голод. Чувства притупились, сравнялись ночь и день. Кудель, веретено и пальцы, словно чужие, тянут нить...

Но настал закат – пряжа соткана, а он не идет, ночь – его все нет. Я открыла пакет, достала зачерствевшую булку со сморщенными салатными листьями, поела, запила водой – его все нет. Не покидая лавки, я задремала. Открыла глаза – полоска света сквозь зарешеченное оконце предвещала рассвет. Солнце взошло – а его все нет. Я поднялась на ноги и подошла к двери, дернула ручку – не заперто. Близость свободы не тронула сердце. Но его удары усилились, стоило мне оглянуться – прялка, что каждый день обкрадывала мою душу, забирая воспоминания, тугим незримым узлом привязала к себе, и я поняла, что уйти куда больнее, нежели остаться.

Озарение пришло сию минуту. Я вернулась к прялке, подняла с лавочки веретено и, собрав оставшиеся силы, толкнула входную дверь. На пороге споткнулась, веретено выпало из рук – в тот миг почудилось, будто оторвало кисть, – я подняла его и, сжимая крепко, вышла вон не оглядываясь. Не знаю, на кой черт оно сдалось мне – бесполезная березовая палка с острым концом, знаю одно: без веретена мне не под силу оставить прялку. Не чувствуя ног, с веретеном в руке добралась я до дороги».

– На этом все, – подытожила Эльжбета, паркуя автомобиль у небольшого одноподъездного дома-свечки, стоявшего особняком среди дворов старого города.

– Вы хотите сказать, что похититель просто исчез, оставив незапертой дверь? – спросил Роман.

– Я передаю слова Клары, только и всего. Что хотела, я уже сказала.

Презрительно зыркнув, женщина указала детективу на дверь.

– Позвольте последний вопрос, – торопливо заговорил Роман, выходя из салона под моросящий дождь. – То веретено... вы, случаем, не знаете, где оно теперь?

– Знаю, – проговорила Эльжбета, с тревогой наблюдая за выходящими из подъезда мужчинами, – веретено в пансионе среди ее вещей, она взяла его с собой.

Последние слова женщина произнесла на упавшей ноте. Позабыв о Романи, она, не запахнув пальто, бежала навстречу тем мужчинам.

– Эльзи... – пожилой человек твердил ее имя навзрыд, захлебываясь слезами.

– Янка... – только и смогла вымолвить Эльжбета: постигшее семью горе предстало со всей убийственной очевидностью.

Второй мужчина был одет в полицейскую форму. Поравнявшись с Эльжбетой, он, избегая прямого взгляда, подобающе его должности сухо произнес:

– Вашу дочь сбила машина. Сожалею.

Слезы Эльжбеты высохли давно, она выплакала их, горюя по той, другой. Вторая дочь казалась бессмертной. Совершенно обыкновенная, здравомыслящая, самостоятельная девочка с отменным здоровьем. С такими никогда ничего плохого не случается. Однако случилось... И в ту секунду лед в ее душе дал трещину. Запоздало, слишком поздно, когда ничего не наверстать, не изменить. Она зачем-то обернулась к оставленному у машины Роману.

– Моя дочь... мертва, – чуть слышно произнесла она. – Детектив...

– Детектив? – услышал обращение полицейский, сопровождавший Вацлава. – Вы тоже из полиции?

Роман стоял белее мела, под усиливающимся дождем напоминая призрака. Струи воды стекали с полей его шляпы, пряча лицо.

– Не совсем, – ответил он, не сокращая дистанции. – Соболезную, – обратился он к Эльжбете. – Мне нужно идти. Простите, пани!

Роман склонил голову перед обескураженной женщиной и быстро ринулся прочь, свернув со двора в переулок. Помутненный взор Эльжбеты коснулся края его плаща, будто бы уловив под длинными полами взмах... хвоста. «Горе являет миражи», – подумала Эльжбета. А лед в груди сильнее таял, вскрывая большую рану.

Глава 4

Академия

Янка вновь чувствовала себя ученицей, сидя за партой в компактном помещении, расположенном прямоугольником, лампы под потолком имитировали дневной свет, а пастельная штукатурка стен, расставленные в два ряда деревянные столы, стулья воспроизводили обстановку школьной аудитории. Ее проводили в класс через тот же колонный зал, где давеча она повстречала нескладного горбуна-скульптора. Провожать ее взялась монахиня или послушница – по крайней мере, всем своим видом женщина походила на обитательницу монастыря: черное платье-балахон до пят, строгая косынка, бледное суровое лицо, практически лишенное бровей, равно как и малейшего намека на чувственность. Монахиня провела девушку через анфиладу, у Янки вновь потеплело на душе, когда она на том же месте заметила горбуна – как и в прошлый раз, он выпучил на нее рыбы глаза. Она глядела без опаски вверх, присмотревшись, уверилась – существо страдало и молило о помощи. Как и раньше, возможности поболтать не представилось, в этом месте не она определяла планы.

В помещении, куда ее привели, ожидал сюрприз: похоже, она была не единственной, кому предстояло коротать время за партой. Пятеро человек – трое в одном ряду, двое – в другом, разом подняли головы. Трое парней и две девушки – молодые, как она, сидели за пустыми столами в томительном ожидании. Вкупе с отчаянием ожидание прочитывалось на их лицах, как и разделяемый Янкой гнет неизвестности.

Постояв немного в дверях, она переступила порог, заняв пустовавшее место в ближайшем к выходу ряду, позади щуплого паренька в синей джинсовой рубашке. Проследив за Янкой, монахиня скрылась за дверью.

– Что это за место? И что, черт возьми, здесь творится? – спросила Янка, не размениваясь на представление, пожелания здравствовать и прочие церемонии – не на светском рауте собрались, в самом деле.

– Еще одна... И тоже ничего не знает... – устало отозвалась девушка с первой парты соседнего ряда. У нее были густые пшеничные волосы, заплетенные в толстую роскошную косу, круглое простое и удивительно располагающее к себе лицо. Янка готова была поклясться, что лицо это привыкло улыбаться, но, к несчастью, не сейчас, не сегодня.

Остальные даже ухом не повели. Янка была последней из прибывших и уж точно не первой, кто задался тем же вопросом.

– Тебя похитили, а затем ткнули носом в бумажку с твоей же собственноручной подписью, из которой явствует, что ты согласилась участвовать в какой-то непонятной программе?

– Да, все так. Но разве это законно? Нас будут искать, уже ищут, я уверена.

– Плевать они хотели на закон! – отозвался полный парень, сидевший позади словоохотливой девушки. – Я отказался следовать за ними. Так мне здоровенным шприцем все вены на руке истыкали, пока я отбрыкивался. Натте, полюбуйте!

С этими словами толстяк закатал левый рукав шерстяного свитера – на розовой коже виднелись синяки и кровоподтеки.

– Впечатляет, нет слов! – произнес парень, сидевший перед Янкой, произнес ровно, на одной ноте, так что невозможно было определить – искренен он или издевается. – И почему им понадобились именно мы?

– Меня больше волнует, что с нами собираются делать. Не уверен, что жертвенные агнцы удостоятся объяснений, кому и зачем их ведут на заклание, – донесся голос с первой парты в том ряду, где сидела Янка. Парень говорил, непривычно растягивая и при этом отчетливо выделяя слова, в его речи улавливался акцент. – Как думаешь, Сильва? – он обернулся, обра-

тившись к худенькой девушке с короткой стрижкой, расположившейся на последней парте по левую руку от Янки.

Губы девушки дрожали, глаза были воспалены.

Она смутилась, захлопала ресницами, руки непроизвольно теребили ворот розовой кофточки. Сильва шмыгнула носом и молча отвернулась. За миг до того Янка увидела, как слезинки – частые гости, вновь блеснули в глазах Сильвы.

Через мгновение бестактный иностранец и ранимая Сильва вылетели из головы – на пороге класса появилась почтенная пани: мохеровый свитер темно-зеленого оттенка с воротником гольф, серая плиссированная юбка по щиколотку, шнурованные ботинки с тупыми носами и круглые очки в пол-лица – классический «синий чулок». Классический, да не совсем: за стрекозьими очками умело маскировались огоньки на редкость живых глаз. Казалось, стоит ей приподнять окуляры, и из зрачков тотчас хлынут разряды молний.

Стрекоза (так про себя назвала ее Янка) прошествовала вперед, положив на учительский столик бумажную папку, а сама осталась стоять, держа в руке длинный тонкий предмет наподобие указки, поглощая внимание насилу собравшихся.

– Позвольте представиться, – начала она мягким дружелюбным тоном, тонкие нити губ растянулись в широкой улыбке, – меня зовут Тамара Войцеховская. Я – куратор программы Трех ступеней.

Сидевший перед Янкой парень в джинсовой рубашке, заерзав на стуле, подался вперед, видно, порываясь спросить. Но Стрекоза предварила вопросы.

– Убеждена, вас всех разбирает любопытство: как так случилось и почему вы присутствуете здесь? Какова цель вашего пребывания в этих стенах? А главное – почему именно вы удостоились этой чести?

На последней фразе куратора толстяк ехидно прыснул.

– Да-да, вы не ослышались. Именно – чести! – возвысила голос Тамара, коснувшись парня взглядом. – До вашего прибытия сюда, так сказать, за кулисами программы наши специалисты долгие годы вели тщательную и кропотливую работу по отбору претендентов. И вот вы здесь – все как один одаренные и перспективные!

Молодые люди переглядывались, точно рассчитывая отыскать в глазах друг друга признаки особой одаренности, но встречали лишь недоумение.

– Каждый из присутствующих в классе от природы одарен уникальными способностями, и ничего, что кто-то из вас об этом даже не подозревает...

До поры. Задача программы – развить эти способности, отточить навыки до совершенства, чтобы в будущем вы смогли пополнить золотой кадровый резерв страны и, если в том возникнет необходимость, применить свои навыки на благо польского государства.

– Программу санкционировало правительство? – в изумлении воскликнул толстяк.

– Да, точно так. Вы участвуете в правительственной программе. Программа чрезвычайно секретная. Именно соображениями секретности объясняется экстравагантный способ, каким вас доставили к месту назначения. Растолкуй вам все заранее, вы бы непременно сболтнули лишнего. Спонтанность в данном случае – залог конфиденциальности.

– Если бы мы знали заранее, что нас ждет, мы бы не согласились в этом участвовать, – подал голос иностранец.

Тамара сверлила парня через прицел стрекозьих окуляров и, выждав паузу, произнесла:

– Вы, Дмитрий, согласились. Подписали бумагу.

– Подпись не моя! Вы подделали подпись! Я свои права знаю и не задержусь здесь больше ни на минуту!

Дмитрий порывисто поднялся с места.

Янка невольно восхитилась смелостью иностранца. Видя его лишь со спины – необычную прическу: бока и затылок бриты под короткий ежик, на макушке густой хвост, собранный

в небрежный пучок, – она доподлинно уверилась в твердости его взгляда. Но Стрекоза, по всей видимости, была готова к подобному повороту событий. Стоило парню встать из-за стола, как она молниеносным движением направила на него указку. Класс внезапно сотряс дикий, душераздирающий стон. Крик боли вырвался из груди Дмитрия одновременно с лучом синего пламени, вспыхнувшего на конце указки. Огненная струя прожгла парню ладонь. Он размахивал кистью в бесплотных потугах охладить руку, вопил от боли, пока в класс не ввалились двое мужчин – габаритных и плечистых (оба в плотных черных толстовках, у одного за поясом повязывала увесистая связка ключей) – и не вывели покалеченного за дверь.

Зрелище будто пригвоздило остальных к местам. Никто не желал последовать примеру спесивого иностранца. Стрекоза, как ни в чем не бывало, улыбнулась, сетуя:

– Русские, знаете ли, они такие... Без жесткой руки с ними не сладить.

Она прошлась по классу в полной тишине, поигрывая указкой, как успели убедиться собравшиеся, двойного назначения.

– Хочу, чтобы вы уяснили сразу. Повторять не буду: каждый из вас дал добровольное согласие, и это обсуждению не подлежит. Запомните, выход отсюда только один – пройти все три ступени!

– Что это за ступени и как их проходить? – неожиданно для самой себя вымолвила Янка.

Тамара взглянула поверх ее макушки, отвечая голой стене за спиной девушки:

– Терпение, дорогие мои! Каждая ступень – кроме разве что первой – тайна, и на данный момент даже для меня. Это своего рода экзамен, испытание, призванное продемонстрировать овладение полученными в нашей Академии навыками и знаниями.

– В Академии? – послышался женский голос с первой парты.

– Да, Катарина. Это самая что ни на есть настоящая Академия, школа, но в отличие от обыкновенной здесь учат необыкновенному! – Стрекоза возвела вверх указательный палец, и все устремили взоры в потолок. Обманка – тот был светел и пуст. – Считайте, что вы попали в Хогвартс! – взвизгнула она, картинно улыбнувшись.

Никто не спешил разделить ее воодушевление.

– Чему нас будут учить? – спросила Катарина.

Тамаре пришлось отвлечься – ввели русского: бледный, с забинтованной левой рукой, опустив голову, он плюхнулся за парту.

– Вот и славно, – прокудахтала Тамара. – Все снова в сборе. Ты что-то спросила, Катарина?

Улыбчивая девушка повторила вопрос, теребя косу – то накручивая на палец, то отпуская.

– Обучение будет направлено на развитие ваших природных талантов. У каждого из вас свой особенный, уникальный дар. Наша задача как педагогов – превратить дар в навык, умение, научить его использовать, отточив мастерство до совершенства. Минуя третью ступень, вы удостоитесь звания мастеров.

– А что насчет первой ступени? – осмелился выступить толстяк, подрагивая голосом. – Вы сказали, остальные ступени – тайна, кроме первой. Позвольте полюбопытствовать: что вы имели в виду?

Стрекоза недовольно поморщилась.

– Ах, да... первая ступень... Забудьте о ней! Для всех вас она уже пройдена.

Удивленные лица, словно шесть разом включенных прожекторов, внимали сцене, в центре которой Стрекоза играла бенефис.

– Да-да, и нечего зыркать. Первая ступень позади. По правде сказать, ступенью ее можно назвать с натяжкой. Лично мне представляется наиболее точным ее определение как вступительного экзамена. Все помнят первый контакт с нашими людьми? Что предшествовало тому, как вы оказались в автомобиле? Янку, к примеру, сбила машина на пешеходном переходе.

Если бы Янка не онемела, шокированная услышанным, она бы, разумеется, возразила: никакая машина ее не сбивала, фальшивые полицейские обманом увезли ее. Но, как обухом ударенная, она хранила молчание, предоставив Тамаре возможность говорить дальше.

– Все вы смутно помните (если помните вообще), что произошло сразу после несчастного случая. Вы неосознанно в минуту опасности применили заключенные в вас, скрытые от вас самих силы. Выражаясь доступнее, вы создали собственные проекции, скопировали себя вовне силой мысли, оставив умирать у тротуара, корчиться в агонии собственные произведения. Во внешнем мире умирают оставленные вами следы, а сами вы – здесь, в условиях комфорта и в полном здравии следуете вверх по лестнице мастерства! Поистине непостижимо! И вдумайтесь только – это лишь первая ступень!

«Следы... – Янку задело слово. – Вот бы взять и поменяться местами с собственным следом...» В те минуты ей до смерти не хотелось быть тем, кто его оставил.

– Я помню, как меня застрелили, – гробовым голосом произнес русский. – Очнулся в полицейской машине. Думал, приснилось.

– Вы – невероятно мощный маг, Дмитрий! – Тамара коснулась забинтованной руки русского.

Так впервые в стенах Академии Янка услышала упоминание о магии.

– Знаю, – ответил русский.

«Повезло», – сверкнуло в голове у Янки. На время в классе воцарилось молчание. Многое отдала бы Янка, чтобы узнать, о чем молчат другие: понимают ли что? Или для них творящееся в подземелье среди скал такой же темный лес, как для нее самой?

Выждав, как анаконда перед прыжком, Стрекоза возвестила громогласно и радостно:

– Теперь, ребяташки, я не вижу препятствий к тому, чтобы начать первый урок. Итак, приступим!

Тамара потеряла ладони друг о друга, и Янке представилось, что они вот-вот высекут искры.

– Откровенность – фундамент успеха в любом деле.

И в первую очередь откровенность перед самим собой. На вопрос «почему вы?» мне известен ответ.

Но на данном этапе, дабы заложить фундамент для будущих достижений на ниве овладения магическим искусством, вы должны сами себе ответить на этот вопрос. Ибо только так вы обретете полное понимание, видение тех ростков, которым предначертано цвести и плодоносить. Вам предстоит вспомнить необычный случай из прошлого, событие, когда вас коснулось дыхание Силы.

Ребята переглянулись, зеркала всеобщее замешательство. Парень, сидевший перед Янкой, обернулся – приятное лицо, мимолетный взгляд, – казалось, они уже встречались, казалось... Не найдя поддержки, он отвернулся, исчезнув из ее мыслей. Ребята продолжали вертеть головами. Один русский сохранял неподвижность и невозмутимость, один он понимал, о чем толкует Стрекоза.

Наблюдая общую растерянность, строгоя учительница взяла вожжи в свои руки. Ударив указкой по столу толстяка, у которого от проступившего на затылке пота по белому шарфу-кашне расплылось маслянистое пятно, она твердо и четко проговорила:

– Начнем с тебя, Ежи!

Ерзанье в миг прекратилось, все уставились на парня. Ежи, нервно сглотнув, произнес чуть слышно:

– Простите, но я ничего такого не припомню.

Приблизившись к парню на шаг, Тамара нацелила на него помутневшие окуляры. Ежи глядел на нее ни жив ни мертв, дыхание его – стесненное и частое – взрезало томительную тишину. Янка ожидала, что в ход вновь пойдет указка. Но нет... Арсенал Тамары кишел раз-

нообразием. Училка порывисто сдернула с переносицы стрекозы очки, обнажив на удивление узкие раскосые щелочки глаз, источавших холодную злобу. К своему стыду (будь стыд уместен) Янка ощутила облегчение, когда Стрекоза остановила свой ядовитый взгляд не на ней, а на бедном толстяке. Несчастный вдруг неестественно скрючился, лицо скорчилось в гримасе боли и отвращения, ладони потянулись к лицу, но медленно, рывками – каждый следующий рывок сопровождался спазмом лицевых мышц, будто парень изо всех сил противился самому себе. И вот его дрожащие пальцы нащупали кончик кашне. Резко сжав ткань до белых пятен на коже, его руки потянули кончик вниз – лицо снова замерло в ужасе, еще ниже – и шарф затягивается вокруг шеи в узел, рука опускается ниже – узел сильнее стягивает шею, на плотной коже – красные пятна, вены вздулись, за алыми капиллярами потухли зрачки. Под ядовитым взглядом Стрекозы Ежи сам затягивал шарф петлей на собственной шее. Сраженный зрелищем, демонстрирующим превосходство сверхчеловеческой силы, класс застыл в испуге.

– Прошу... – слабый голос шелестом ветерка, случаем проскользнувшего через вентиляционную решетку, прозвучал сколь смело, столь же неуместно. Убийственные стрелы Тамары сменили ориентир, подарив полуживому Ежи спасительный глоток воздуха.

– Прошу... – повторил парень, спину которого вместе с нехитрыми узорами джинсовой ткани, Янка успела изучить вдоль и поперек, – не мучайте его! Дайте время, и он вспомнит!

Не ведающая устали училка, в два счета преодолев расстояние до другого ряда, с указкой наизготовку встала в угрожающей близости от Янки, та невольно подалась назад. Одежда Стрекозы издавала запах – премерзкий запах нафталина.

– Эмпатия, Мартин, это неплохо, – проскрипела Тамара, целясь в парня указкой, – но есть нюанс: помимо восприятия чужой боли жизненно важно научиться распознавать подходящее время и место для проявления сострадания. В противном случае ты играешь против себя самого. Я не собираюсь противиться твоему желанию принять на себя его боль. В путь!

Указка уперлась Мартину в подбородок, Янке уже мерещились на ее конце голубые отсветы пламени, готового вырваться на свободу. В этом Хогвартсе подземелья учителя не знали пощады. Парень поднял голову, мужественно встречая суровый взгляд Стрекозы.

– Рассказывай! Рассказывай вместо него! А ты, Ежи, вспоминай, да поскорее! Весьма вероятно, история Мартина станет быстротечной, – проговорила она, оценивая Мартина со всевозрастающим интересом.

Глава 5

Дом мертвеца

– Палка... – беззвучно произнесли губы Мартина.

– Что-что? – Парень играл с огнем, с каждой секундой подогревая интерес властной наставницы. – Что ты бормочешь? Изволь выразаться внятно!

Конец указки вспыхнул синим.

– Палку... уберите... пожалуйста. Я помню. Я расскажу.

Только Янка, будучи близко, видела, каких усилий стоило парню выговорить слова. Его трясло от страха, и дрожь передавалась ей. Но он говорил, невзирая на близость пламени, и голос становился громче. Парень держался молодцом.

– Слушаю! – с интонацией конференсье возвестила Тамара. – Просим, просим! – и ко всеобщему облегчению отвела смертоносную указку.

Мартин поднялся из-за стола, прошел вперед, становясь лицом к аудитории. Он оказался довольно высоким и широкоплечим, несмотря на худобу. И снова Янке почудилось, что где-то ей уже случалось видеть это лицо с острыми чертами, не впервые смотрела она в эти светлые глаза.

– Это случилось летом на южной окраине в деревне Добра Опольского воеводства. Там я по обыкновению проводил лето, – неуверенно заговорил Мартин. Чтобы его расслышать, необходимо было напрягать слух. – Готовились к похоронам пана Гжегожа. Жил он на отшибе. Молчалив был пан, нелюдим. Сторонился людей, да и селяне обходили стороной его ветхую халупу с покосившимся забором. Мясником работал Гжегож. Но ходили слухи – рубил он не только скотину. Молва несла разное. Поговаривали, черную мессу отправляет, на погост дары мертвякам носит, в зарослях камыша с чертями дружбу водит.

При этих словах Мартина русский что-то буркнул, тут же ему прилетело указкой по плечу, и желание перебивать рассказчика пропало.

– Всякое болтали, – продолжал Мартин, от слова к слову становясь увереннее, – что с деревенских взять... И вот этот пан внезапно скончался, не успел состариться, а умер. От инсульта или вроде того. Был пан – и не стало. Хоронить некому, одинокий. Скинулись всей деревней на похороны.

Гроб что попроще заказали, да в его же дом до похорон уложили.

Мне тогда было лет тринадцать. В тот вечер я шел домой, ни о чем не думал, просто шел, глазел на луну. А следовало – под ноги. Местные дресьяры⁴, шурша пивными банками, проходили мимо, один подставил мне подножку. Не удержавшись на ногах, я упал наземь, да так неудачно, что порвал брючину и разодрал камнем колено. Дресьяры остановились. Нежданное веселье пришлось им по вкусу. Похожие друг на друга, в спортивных костюмах, не имевшие имен... только клички, они окружили меня. Наверное, я представлял собой жалкое и забавное зрелище, когда неуклюже поднимался, сокрушаясь о порванной брючине, раз они так надрывно гоготали. Но гораздо хуже было то, что они узнали меня.

– Кто у нас тут? – заговорил долговязый детина по кличке Зонт, пялясь на меня в мигающем свете надтреснутой лампы уличного фонаря, что доживала последние часы на ближайшем перекрестке. – Дак это ж городской, как бишь его... Эй, как там тебя?

– Мартин, – ответил я сдуру.

– Имя, как у гуся! У бабки гусь Мартин! – И давай дальше ржать...

⁴ Дресьяры – представители польской молодежной контркультуры, распространенной в среде рабочего класса. Термин связан с привычкой постоянно носить спортивные костюмы – «дресьы».

Дело было ясное: я – их груша для битья на сегодня. Не помню точно по какой причине – вероятно, оттого, что я отказался с ними пить – Зонт пихнул мне в лицо открытую банку, я оттолкнул его руку, банка грохнулась, разбрызгав пойло по тропинке, землю пропитал запах солода, а мне досталась оплеуха, – а может, и просто так, не помню, но не прошло и получаса, как я с четырьмя дресярами очутился в доме пана Гжегожа. Разумеется, сам пан Гжегож никуда не делся – лежал себе в гробу, накрытый простыней. Другой парень – коренастый, со злыми глазами, по кличке Шип (не понимаю, от чего пошло прозвище), предложил заявиться сюда: «Слабо накануне похорон мясника в его доме молотьбу замутить! Ксендз с ранья чуть зенки протрет, обрядствовать нагрянет со всем народом, а тут кровяца, пачки пустые из-под сигарет, бедлам и все такое... Забздит, ручаюсь! Потеха, пацаны, нереальная будет!» Остроумие и находчивость Шипа встретили дружное одобрение. И вот мы здесь.

Деревянная дверь без труда подалась – запирает ее было незачем. Кто-то включил свет – тусклый, неживой, он шел от голой лампы, со скрипом болтавшейся под низким потолком. Зеркало в прихожей завешено черным покрывалом, рядом в стенной нише – икона Богородицы, под иконой на свежесобранных треногах – черный гроб, рядом – крышка с театральной желтой окантовкой «под золото» – ритуальный сельский гламур.

Зонт, обогнув гроб, вильнул в темный закуток, походя поставил пустую банку к ногам покойника, чем заслужил всеобщее восхищение, продемонстрированное дружными ухмылками.

– Слабо наверх? – подначивал он, кивая на восходящую лестницу с редкими промежуточными покрытыми трещинами ступеней.

Чересчур крутой наклон лестницы, прогнившие уступы – конструкция не тянула на надежную даже с натяжкой. Несложно догадаться, кому доверили проверить ее на прочность. По-собачьи, на четырех конечностях, на ощупь я карабкался наверх, нешлифованные перила, разломанные на середине лестницы, едва на них легла ладонь, наградили меня занозой. Наконец мое содрванное колено нащупало шероховатый пол второго этажа. Ребристая поверхность обожгла рану, я сжал губы, сдерживая крик. Вовремя – тумачком по спине меня сбили с ног. Из незашторенного окошка в тончайшем лунном сиянии виднелась ножка дивана и выглядывавший из-под него уголок старинного плетеного чемодана из ротанга.

– Что тут у нас? – проголосил Шип, грузно вваливаясь на этаж под протяжный стон половиц.

Между делом он пнул меня ногой в живот – наверное, я загораживал обзор. У меня внутри все сжалось, я едва осилил вдох. Превозмогая боль, я поднялся и отошел к стене. Шип потянулся к выключателю, но Зонт вовремя остановил:

– Ты debil? Не надо света! Вся деревня сбежится, как на пожар! Нам оно надо?

Зонт щелкнул зажигалкой:

– Доставай!

Усилиями Шипа чемодан извлекли из-под дивана. От плетеной винтажной крышки отделилось облако пыли – ребята один за другим начали чихать. А у меня никак из головы не выходил накрытый простыней покойник и пивная банка, оставленная у его ног. И луна исчезла из виду, будто не желая свидетельствовать скверные дела, в которые я невольно был вовлечен. А что дела сквернее некуда, я печенкой чувствовал, сомневаться не приходилось.

Ребята чиркали зажигалками, давая свет, дабы рассмотреть, что таит в себе плетеный чемоданчик. Внезапный треск на лестнице – все разом затаили дыхание.

– Это пан Гжегож не хочет, чтобы его вещи трогали, – прошептал Зонт.

В пламени зажигалки мелькнули вытаращенные в испуге глаза Шипа. Не успел Зонт договорить, а Шип – осмыслить услышанное, как с лестницы донесся грохот. Я в страхе вжался в стену. Парни закричали. Их голосам вторил крик с лестницы. С перепугу они не узнали голоса своего же приятеля, – Янек ругался и в то же время ржал как конь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.